

РОССИЯ И ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080023317-5

«ЕСЛИ НИКТО НЕ ПОЕДЕТ, ТО КТО ЖЕ ЭТО БУДЕТ ПРОЕЗЖАТЬ»:
К ВОПРОСУ О ТОЛКОВАНИИ ПЯТОЙ СТАТЬИ РУССКО-КИТАЙСКОГО
ПЕКИНСКОГО ДОГОВОРА 1860 г.

© 2022

А.М. КУЛИКОВ^{a, b}^a – Финансовый университет, Москва, Россия;^b – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

ORCID: 0000-0002-9317-7432; bilis@inbox.ru

Резюме: В статье на основе материалов из Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) (г. Москва) анализируются события 1861 г., связанные с первой после столетнего перерыва отправкой русского торгового каравана из г. Кяхта в Пекин по инициативе кяхтинского градоначальника Александра Ивановича Деспот-Зеновича. Возглавил караван купеческий старшина Иван Алексеевич Нерпин. Юридической основой для этого послужила пятая статья русско-китайского Пекинского трактата 1860 г. По плану Деспот-Зеновича, караван должен был проследовать по маршруту Кяхта – Урга – застава Душикоу – Пекин, причем прежде русские караваны через заставу Душикоу не ходили. Однако, как показали последующие события, китайская сторона трактовала пятую статью договора таким образом, что открытая караванная торговля в Пекине для русских по-прежнему оставалась недоступной. Данные противоречия вылились в серию переговоров в Пекине между сановниками из Цзунли ямэня и главой XIV-й Российской духовной миссией, архимандритом Гурием (Карповым). На одной из встреч с Гурием китайские сановники в частной беседе высказали мнение, что в связи с борьбой придворных группировок при маньчжурском императоре прямого разрешения на торговлю китайская сторона предоставить русским не может и торг возможен лишь неофициально. Подобное условие русская сторона принять не могла. Караван в этот момент находился в Калгане (Чжанцзякоу), куда вынужденно повернул, не получив разрешения на проход через Душикоу. Компромиссным решением стала отправка русского каравана из Чжанцзякоу в Тяньцзинь, фактически минуя Пекин. Этому предшествовал приезд Нерпина из Калгана в китайскую столицу и передача через о. Гурия его прошения в Цзунли ямэнь. В статье цитируются донесения архимандрита Гурия (Карпова) директору Азиатского департамента, Егору Петровичу Ковалевскому. Ряд материалов цитируется впервые.

Ключевые слова: Пекинский договор, Гурий (Карпов), Н.П. Игнатьев, Деспот-Зенович, князь Гун, русско-китайские отношения, архив.

Для цитирования: Куликов А.М. «Если никто не поедет, то кто же это будет проезжать»: к вопросу о толковании пятой статьи русско-китайского Пекинского договора 1860 г. *Восток (Oriens)*. 2022. № 6. С. 124–135. DOI: 10.31857/S086919080023317-5

**“IF NO ONE GOES, THEN WHO WILL PASS”:
THE PROBLEM OF INTERPRETATION OF THE FIFTH ARTICLE
OF THE RUSSIAN-CHINESE BEIJING TREATY OF 1860**

© 2022

Andrey M. KULIKOV ^{a, b}^a – Financial University, Moscow, Russia;^b – Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-9317-7432; bilis@inbox.ru

Abstract: *Based on materials from the Archive of Foreign Politics of Russian Empire (Moscow), the article analyzes the events of 1861 associated with the first departure of a Russian trade caravan from Kyakhta to Beijing after a hundred-year break. This caravan was sent on the initiative of the Kyakhta mayor Despot-Zenovich. The fifth article of the recently signed Russian-Chinese Beijing Treaty of 1860 served as the legal basis for the convoy's launch. According to the plan of Despot-Zenovich, the caravan had been supposed to follow the Kyakhta – Urga – Dushikou outpost – Beijing route. However, as subsequent events showed, the Chinese side interpreted the fifth article of the treaty in such a way that open caravan trade in Beijing remained inaccessible to the Russians. Contradictions in the interpretation of the fifth article resulted in a series of negotiations in Beijing between dignitaries from Zongli Yamen and the head of the XIV Russian Ecclesiastical Mission, Archimandrite Gury (Karpov). At one of these meetings with Gurius, Chinese dignitaries privately pointed out that due to the conflicts between court cliques under the Manchu emperor, the Chinese side could not grant direct permission for trade to the Russians and bargaining was possible only unofficially. As a result, a compromise solution was found and the Russian caravan was sent from Zhangjiakou to Tianjin. The article cites reports from Archimandrite Gury (Karpov) to the director of the Asian Department, Egor Petrovich Kovalevsky. A number of materials are cited for the first time.*

Keywords: Beijing Treaty, Gury (Karpov), N.P. Ignatiev, Despot-Zenovich, Prince Gong, Russian-Chinese relations, archive.

For citation: Kulikov A.M. “If no One Goes, then Who Will Pass”: The Problem of Interpretation of the Fifth Article of the Russian-Chinese Beijing Treaty of 1860. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 6. Pp. 124–135. DOI: 10.31857/S086919080023317-5

2 (14) ноября 1860 г. русский уполномоченный Николай Павлович Игнатьев (1832–1908) и двоюродный брат маньчжурского императора, князь Айсиньгйоро Исинь¹ подписали в китайской столице Пекинский трактат, поставивший точку в ряде важнейших вопросов русско-китайских отношений XVIII–XIX вв. и открывший новый этап в их истории. Всего в договоре содержалось пятнадцать статей. Важнейшим моментом, безусловно, являлось территориальное размежевание двух государств по р. Амур и Уссури, которому посвящены три первых статьи трактата. Наибольшее число пунктов договора посвящено вопросам организации связи и решения различных споров между представителями обеих империй в новых реалиях (статьи №8–14). Заключительная статья №15 подводит итог всему соглашению.

¹ Айсиньгйоро Исинь (愛新覺羅·奕訢 1833–1898) – маньчжурский сановник. В период Второй опиумной войны – сторонник переговоров с западными державами.

Большое значение в договоре уделялось и вопросам русско-китайской торговли (статьи №4–8)², которая к моменту подписания трактата в основном велась сухопутным путём через Кяхту и страдала от существенных ограничений с китайской стороны. В условиях, когда присутствие британского и французского торгового капитала в Китае постоянно росло, русская сторона также искала возможности для расширения торговли в империи Цин.

Разумеется, каждый трактат важен не сам по себе, а в свете его фактического исполнения. В связи с этим весьма интересно рассмотреть проблемы, возникшие с толкованием сторонами 5-й статьи Пекинского договора. В русской версии эта статья имела следующий вид: «Русским купцам, сверх существующей торговли на Кяхте, предоставляется прежнее право ездить для торговли из Кяхты в Пекин. По пути, в Урге и Калгане им дозволяется также торговать, не открывая оптовой продажи. В Урге – русскому правительству предоставляется право иметь консула (лин-ши-гуань)³, с несколькими при нем людьми, и на свой счет выстроить для него помещение. Касательно отвода земли под здание, величины постройки сего последнего, равно и отвода места под пастбище, предоставляется войти в соглашение с ургинскими правителями⁴.

Китайским купцам, если они пожелают, также дозволяется отправляться для торговли в Россию.

Русские купцы имеют право ездить для торговли в Китай во всякое время, только в одном и том же месте их не должно быть более двухсот человек, притом они должны иметь билеты от своего пограничного начальства, в которых обозначается: имя караванного старшины, число людей, при караване состоящих, и место, куда следует караван. Во время пути купцам дозволяется покупать и продавать все, по их усмотрению. Все дорожные издержки относятся на счет самих купцов» [*Сборник договоров России с Китаем*, 1889, с. 162–163].

В китайском тексте пятый пункт трактата имел следующий вид: «第五條 俄國商人, 除在恰克圖貿易外, 其由恰克圖照舊到京, 經過庫倫、張家口地方, 如有零星貨物, 亦準行銷。庫倫准設領事官一員, 酌帶數人, 自行蓋房一所, 在彼照料。其地基及房間若干, 並餵養牲畜之地, 應由庫倫辦事大臣酌核辦理。

中國商人願往俄羅斯國內地行商亦可。俄羅斯國商人, 不拘年限, 往中國通商之區, 一處往來人數通共不得過二百人, 但須本國邊界官員給予路引, 內寫明商人頭目名字、帶領人多少、前往某處貿易、並買賣所需及食物、牲口等項。所有路費、由該商人自備» [*Сборник договоров России с Китаем*, 1889, с. 184].

Как известно, возможность взаимного проезда и торговли между подданными Русского царства и Империей Цин разрешалась уже по Нерчинскому договору 1689 г., при этом число купцов и частота приездов в трактате прямо не указывались и были определены лишь спустя четыре года, когда маньчжуры выпустили «Правила сношений с русскими». Именно в этих правилах впервые оговаривалось, что «когда русские купцы будут приходить в Пекин для торговли, их число не должно превышать 200 человек, и они должны приходить только 1 раз в 3 года ... [и] должны пользоваться собственными лошадьми и верблюдами»⁵. Таким образом, торговля в столице цинской Империи с самого начала отношений мыслилась китайскими представителями как привилегия для иностранцев.

Возможность бывать с торговыми караванами в Пекине для русских купцов подтверждалась также четвёртой статьёй Кяхтинского трактата 1727 г., согласно которой проезд русских купцов в китайскую столицу мог осуществляться не чаще одного раза в три года и в составе, не превышающем 200 человек.

² Статья №8 регулировала как купеческие споры, так и судопроизводство в отношении иных сословий.

³ Кит. 領事官.

⁴ Т.е. Амбаниями – маньчжурский термин, означавший «высокий сановник» (кит. да-чэнь 大臣).

⁵ Цит. по: [Беспрозованных, 1986, с. 101].

Караванная торговля между Россией и Китаем фактически прервалась в 1763 г. – после того как в Пекине побывал казённый караван, возглавляемый русским дипломатом, Иваном Ивановичем Кропотовым (1724–1769). Примечательно, что ещё в 1762 г. цинская сторона инициировала прекращение кяхтинского торга, который следует отделять от караванной торговли. Напряжение в русско-китайских отношениях середины XVIII в., объяснявшееся нерешёнными вопросами сыска перебежчиков через границу, сохранялось вплоть до переговоров 1768 г., на которых в качестве представителя Российской Империи присутствовал тот же Кропотов. Результатом этой встречи стало подписание дополнительной десятой статьи к Кяхтинскому договору, регулирующей вопросы, связанные с сыском разбойников и перебежчиков через границу. Кяхтинский торг после этого возобновился, но русские караваны в Пекин отныне ходили исключительно с Российской духовной миссией и торговлей занимались в крайне ограниченном объёме.

Пятая статья Пекинского трактата 1860 г. фактически являлась закономерным развитием положения Кяхтинского трактата, но уже в новых реалиях середины XIX в. – сохранялось даже ограничение на число купцов в одном месте. К 60-м гг. XIX в. торг в Кяхте для российской стороны стал крайне невыгодным и требовал кардинальных изменений. В этом свете показательное мнение кяхтинского градоначальника Александра Ивановича Деспот-Зеновича (1829–1897), высказанное им министру финансов Российской Империи, а затем переданное Н.П. Игнатьеву в письме от 22 марта (3 апреля) 1860 г.: «Я обрисовал (Александру Максимовичу Княжевичу. – *А.К.*) полную картину всей несостоятельности, искусственности начал кяхтинской торговли и безобразность таможенных порядков и указал, основываясь на неоспоримых фактах, всю важность караванной торговли как единственный исход для обновления всех условий жизни Сибири»⁶.

После того как Игнатьев заключил с маньчжурами Пекинский договор, Деспот-Зенович активно включился в дело организации первого после почти столетнего перерыва русского каравана в Пекин. В начале марта 1861 г. караван с русскими товарами на 133.473 руб. вышел из Кяхты в цинскую столицу [Хохлов, 1983, с. 137].

4 (16) марта Деспот-Зенович уведомил об этом маньчжурских пограничных правителей в Урге: «По дружбе и согласию существующим между обеими великими Империями, сообщая Вам Амбани, что, на основании 5го п. ст. трактата, заключенного в Пекине 2 ноября 1860 г. отправится отсюда в первых числах марта, в места Дайцинской Империи, открытые для торговли, купеческий караван, в котором будет находиться до 20 человек купцов и других при них лиц, с товарами, на менее, как на 100 верблюдах.

Караван дойдет сначала до Урги; как по пути из Кяхты, так и в Урге, недолжно быть принимаемо никаких мер, которые могли бы стеснить купцов в путешествии и торговле. Так как по 8ой ст. трактата, правительства обеих великих Империй, взаимно обязаны покровительствовать коммерческим сношениям их подданных, то Вы, Амбани, должны устранять все препятствия, могущие противодействовать свободной торговле...

Из Урги караван направится в Пекин, чрез заставу Души-кхяу⁷. Купцы ныне не заедут в Калган, чтобы не мешать местной там торговле и, главное избегнуть трудного калганского пути. – Так как в производстве торговли купцам предоставлена совершенная свобода, то они имеют полное право избирать для своего проезда те пути, которые будут найдены ими более удобными. Но, принимая во внимание, что русские подданные в первый раз следуют по дороге в Пекин, мимо Калгана, – я прошу Вас предупредить об этом кого следует, с тем однако ж, чтобы ни Вы, ни другие начальства великой Дайцинской Империи не назначали

⁶ Цит. по: [Хохлов, 1983, с. 147].

⁷ Подразумевается застава Душикоу (獨石口).

никого для сопровождения купцов, так как они сами будут и должны заботиться о своем проезде...

Я уверен, что вы Амбани ценя пользу прямых международных сношений двух дружественных великих Империй, – поймете необходимость оказывать им должное покровительство и удовлетворите все те справедливые требования, с которыми купцы может быть будут иметь надобность обращаться к Вам чрез посредство своего старшины Нерпина⁸, которого рекомендую Вам как человека известного у нас честностью, опытностью, знающего обычаи вашего народа и посетившего порты Китая» [АВПРИ, ф. 161, оп. 4, ед. хр. 105, л. 302–304 об.].

Деспот-Зенович, предполагая, что торговля в китайской столице сулит русским купцам большие выгоды, действовал стремительно – с этой целью и было написано вышеуказанное письмо, в котором кяхтинский градоначальник опирался на положения только что заключенного Пекинского договора. Купеческий караван благополучно достиг Урги, от которой направился к Великой стене, но не к заставе у Калгана⁹, как это происходило раньше, а к заставе Душикоу, находящейся северо-восточнее.

Тем временем глава XIV-й Российской духовной миссии в Пекине, архимандрит Гурий (Карпов) (1814–1882), на тот момент являвшийся наиболее высокопоставленным представителем Российской Империи в Китае, получил почту из Кяхты. В письме директору Азиатского департамента МИД от 17 (29) апреля о. Гурий писал: «25 марта (6 апреля) вечером получена была мною кяхтинская почта от 4 (16) марта. Кяхтинский Градоначальник¹⁰, уведомил меня о том, что купечество спешит воспользоваться предоставленным ему правом сухопутной торговли, и не позже 7 (19) марта отправляет первый караван в Пекин, что караван этот не пойдет в Калган, чтоб в тамошних купцах не возбуждать опасений за их торговые интересы, а возьмет восточнее, на Ду-ши-коу и пр.¹¹, просил дать о том знать кому следует, чтоб начальство прохода Ду-ши-коу не задержало каравана. Так как с нашей точки зрения дело это совершенно законное, то не теряя времени я написал Гун-вану¹² бумагу, в которой изъяснил откровенно всё вышесказанное, просил сделать распоряжение о пропуске каравана через Ду-ши-коу. Гун-ван, получив мою бумагу, чрезвычайно встревожился. Прислал своего секретаря, по фамилии Чан-шань, узнать: что это значит? В трактате-де не говорится, чтобы купцы русские ездили в Пекин для торговли. Я указал Чан-шаню на 5^ю статью договора и объяснил как мы ее понимаем. Это было перед самым отправлением почты от 1го (13) апреля» [АВПРИ, ф. 161, оп. 4, ед. хр. 105, л. 305–305 об.].

Далее начинается длительный период совещаний о. Гурия с маньчжурскими сановниками по вопросу толкования пятой статьи Пекинского трактата. В том же письме от 17 (29) апреля Гурий писал: «Гун-ван прислал ко мне Жуи-чана¹³, Линь-куя¹⁴ и Бао-цзюня¹⁵ объяснить мне как должно понимать 5^ю статью. Вот буквальный перевод этой статьи, слово в слово как значит в китайском. – “Русские купцы, кроме торговли в Кяхте, отправляясь по-прежнему из Кяхты в Пекин, проездом через Ургу и Калган могут распродавать какие

⁸ Иван Иванович Нерпин (1814–1875) – русский купец и золотопромышленник.

⁹ Чжанцзякоу 張家口.

¹⁰ Речь идет о Деспот-Зеновиче.

¹¹ Все подчеркивания сделаны авторами писем.

¹² Подразумевается князь Исинь, возглавлявший на тот момент Цзунли ямэнь (總理衙門) и фактически исполнявший функции маньчжурского министра иностранных дел.

¹³ Жуи Чан (瑞常 ум. В 1872 г.) – китайский сановник монгольского происхождения. Принимал участие в переговорах о Пекинском трактате 1860 г. Подробнее о нём и других сановниках см.: [История вопроса организации варварских дел, 1979].

¹⁴ Линь Куй (麟魁 1791–1862) – маньчжурский сановник.

¹⁵ Бао Цзюнь (宝鋈 1808–1891) – маньчжурский сановник.

случатся у них в незначительном количестве товары / мелочи”. Ясно, что речь идет о купцах (и только о купцах) о том именно, что они продолжая свою торговлю на Кяхте могут еще проезжать через Калган продавать кой-чего. Слово: проездом (цзин-го [經過]) показывает, что купцы проедут Калган, поедут за Калган, куда-то дальше. Куда же? На это отвечает вставочное предложение: отправляясь из Кяхты в Пекин. Зачем они туда поедут? Что-как будут делать? На все это отвечает слово по-прежнему [照舊]! Зачем они прежде ездили, за тем же поедут и теперь: чем и как занимались прежде, тем же и также будут заниматься и теперь. В этом отношении все должно быть по-прежнему. Так мы понимали тексты 5^й статьи в прошлом году, так понимаем и теперь; и мне кажется, что другого более естественного понимания и придумать невозможно. Китайцы ухитрились. Из их бумаги к Генерал-Адъютанту Игнатьеву Вы уже знаете как толкуют этот текст. Я хочу передать Вам несколько частных мыслей, сюда относящихся, и высказанных мне приехавшими Да-женями¹⁶ для объяснений. Едва успели они войти в комнату, как и напали на меня с упреками что это ты затеял? Когда мы обещали вам караванную торговлю? Монах – а ищет нашей головы!.. Я просил их успокоиться и вместо напрасных упреков лучше заняться делом. Жуй-чан вынул список¹⁷ трактата и начал доказывать, что в 5^йстатье нет оснований на то, чтоб наши купцы ездили в Пекин торговать. Они могут торговать в Кяхте, немножко в Урге, в Калгане и только. – Я на это сказал: о ком же говорится “отправлять из Кяхты в Пекин [由恰克圖照舊到京]”? Жуй: «ни о ком! Это значит, по тракту из Кяхты до Пекина! – Я: хорошо. А для чего же сказано: проездом (цзин-го)? Если никто не поедет, то кто же это будет проезжать? Жуй: это слово употреблено неправильно, его могло бы и не быть. Ведь это ваш слог. Несовершенство владения языком, вы (русские) иногда употребляете буквы неправильно! Я заметил, что это неправда. В предложенном нами тексте были другие буквы. Чэн-да-жень¹⁸ наши буквы все замарал, и вместо их написал вот эти. Следовательно, честь этого слога исключительно принадлежит вам. А для чего это: по-прежнему, что оно здесь значит? Жуй сознался, что это выражение совершенно лишнее. Я: по нашему здесь нет ни неправильно употребленных букв, ни лишних. Мы объясняем этот текст просто: Русские купцы, кроме торговли на Кяхте, когда по-прежнему отправятся в Пекин, то проездом через Ургу и Калган могут торговать кой-чем. При этом толковании всякая буква правильна и ни одной нет лишней. Жуй: Зато многого недостает. Зачем ваши купцы поедут в Пекин? Торговать? Так – надо было бы написать правила торговли. Этого ничего здесь нет! Я: Прибавка не помешала бы делу; но и без нее ясно, как день. Наши купцы поедут в Пекин по-прежнему. Как они ездили, что делали, какими руководствовались правилами – всё это должно быть и теперь по-прежнему. Правила есть и они годятся; зачем же писать еще новые? Жуй: да кто же помнит как было прежде? Я: в таких важных документах, как трактат, ссылка на людскую память не всегда уместна. Для это[го] есть письменные памятники. Всякий ученый, в особенности же управлявший Ли-фань-юанем человек должен знать, что в 4^м томе уложений¹⁹, в той именно книжке, где собраны правила сношений с русскими, есть и торговые правила! Жуй и все прочие да-жени в один голос сказали: нет! Нету, мы никогда не обещали вам караванной торговли! Ну, скажи, кто из нас говорил тебе это? Я: не говорили, но написали! – Никогда! Никогда! И мы расстались почти врагами» [АВПРИ, ф. 161, оп. 4. ед. хр. 105, л. 306–308].

¹⁶ От. кит. 大人 – высокопоставленные люди.

¹⁷ Т.е. копию.

¹⁸ Подразумевается сановник Чэн Ци (成琦), принимавший участие в переговорах о Пекинском трактате в 1860 г.

¹⁹ Подразумевается «Высочайше утвержденные положения Палаты управления инородцами» (欽定理藩院則例), составление которых началось во времена императора Хунли (правил с 1735 по 1796 гг.).

Затем о. Гурий приводит интереснейшие сведения о том, как обговаривался пятый пункт Пекинского трактата осенью 1860 г.: «Это правда; уполномоченные никогда не говорили нам, что согласны на караванную торговлю, но они это написали! Я полагаю, что это равносильно. Вот как дело было. Чтоб облегчить и ускорить совещание Николай Павлович предложил уполномоченным заранее приготовленный перевод своего трактата. Да-жени читали этот перевод и что казалось им недопустимым и требовавшим перемены, то с согласия Николая Павловича вымарывали или изменяли. Когда прочитана была 5^я статья «русские купцы, кроме торговли на Кяхте, приезжают в Пекин, торгуя свободно и пр. то все да-жени заговорили: нельзя, нельзя! Этого не пропустят! (намекая на цензуру в Жэ-хэ)²⁰. При этом каждый начал высказывать причины, по которым нельзя. Между тем, Чэн-ци, у которого была кисть, начал писать сбоку данного текста свой текст и написавши объяснил во всеуслышание, что «вот этак можно»! Написано же им было то, что теперь значится в тексте; не было только слов: по-прежнему. Я перевел Николаю Павловичу, а он подумавши сказал: да что ж это такое? Это почти тоже самое, только сказано неясно. – Я передал это китайцам, что ведь это тоже самое, почему же не оставить прежнего? – «Нет, нет! Этак лучше: не пропустят!». – Нам казалось, что они совершенно согласны с основной мыслью текста, только в видах облегчения прохода ее через цензуру Су-шуня²¹ маскируют ее неясным выражением. Чтоб не спорить о пустяках, Николай Павлович согласился, но требовал, чтоб было прибавлено для ясности хоть слово: по-прежнему. Китайцы согласились. Прежний текст вымаран, к новому прибавлено слово «по-прежнему», затем новая редакция снова прочитана, все выразили свое согласие и о Пекине более не говорено ни слова. – Можно было бы подумать, что я сам не понявши дела ввел в заблуждение и Николая Павловича. О сем я не говорю. Странно только, что китайцы, случайно бывавшие при переговорах (напр. учитель Гао, чиновник Гуан, прислуга приготовлявшая и разносившая чай), все поняли также, как и я. Как скоро услышали, что кит. правительство отказывается пропустить караван под тем предлогом, что будто бы это противно договору, то все крайне удивились. Особенно Гао, с которым я вижусь нередко, громко выражает свое удивление. «Ай, ай! Все люди ученые (цзинь-ши); а как толкуют!» Гао даже припомнил такое обстоятельство, которое я опустил из виду, но которое весьма любопытно. Когда говорили об учреждении Консульства в Урге и Калгане, и когда дажени не соглашались на устройство его в Калгане, то Линь-куй сказал в подтверждение своей мысли: «И зачем вам консул в Калгане? – Купцы поссорятся, некому разобрать? Да далеко ли до Пекина? Ведь они сюда приедут; здесь их и разобрать!» ... Это сказано было вслух всем и никто против мысли о приезде купцов в Пекин не возразил. Ясно, что все на это были согласны. – Впрочем, нельзя сказать, что нам не довелось объясниться по-определеннее. Об этом обстоятельстве доложил Вам Г. Татаринов²² как главный деятель; я только припомню его. По окончании переговоров, когда переписаны были китайские экземпляры трактата, приехал бывший Пристав подворья, чиновник Вэнь-лянь для проверки списков. Я в это время был в северном нашем подворье. Г. Татаринов с Вэнь-лянем принялись за проверку вдвоем. При этом Александр Алексеевич ясно высказал Вэнь-ляню как мы понимаем пятую статью. Завязался спор продолжительный и жаркий. Кончилось впрочем тем, что Вэнь-лянь согласился с нашим толкованием. – Я не думаю, чтоб Вэнь-лянь умолчал об этом обстоятельстве, если такой оно

²⁰ Жэ-хэ (熱河) – во времена династии Цин так называлась особая территория на северо-востоке Китая. Центром её служил г. Чэндэ (承德) с летней резиденцией маньчжурского императора. В период Второй опиумной войны, император Ичжу (1831–1861) бежал из Пекина в Жэ-хэ, где впоследствии и скончался.

²¹ Айсиньгйоро Сушунь (1816–1861 愛新覺羅氏·肅順) – маньчжурский сановник. В период Второй опиумной войны – сторонник решительного отпора иностранным державам.

²² Александр Алексеевич Татаринов (1817–1886) – русский дипломат и врач. Принимал непосредственное участие в переговорах о Пекинском трактате 1860 г.

для них важности, как теперь представляют. Почему же никто из них ничего не возражал при последовавших затем совещаниях? Если же Вэнь-лянь промолчал, то всё же виноваты не мы. Вэнь-лянь был не простой корректор: он уполномоченный, след. за смысл договора отвечал перед своим правительством также, как и прочие дажени» [АВПРИ, ф. 161, оп. 4, ед. хр. 105, л. 308–310].

Таким образом, споры о толковании пятой статьи затягивались, а русский караван, вышедший из Кяхты, грозился застрять на полдороги. О. Гурий по этому поводу писал: «Так как совещания эти не давали никакого результата, то бесполезно было бы и продолжать их. Я спросил: что же они намерены делать с караваном, который по всей вероятности, теперь уже на полдороги? – «Напиши им письмо, чтоб они воротились!». – В этом я отказал им, объявив, что не имею права распоряжаться купцами. Но предложил написать купцам, чтоб они возвратились в Калган и там пока оставались для распродажи своих вещей; караванный же старшина г. Нерпин пусть приедет сюда для личных объяснений со мною. – На это дажени согласились, предложили даже написать Гун-вану, что этот караван везёт собственно миссийские вещи. В таком случае караван сюда пропустят и товары, какие есть потихоньку могут быть проданы. – Я на это не согласился, сказав, что никогда не говорил им лжи, и говорить не намерен. С тем мы и расстались. Чтоб покончить чем-нибудь дело, я написал Гун-вану бумагу, в которой упомянул о возникшей разности в понимании 5^й-статьи трактата, просил его сказать мне что я должен написать в донесении моем начальству т.е. принимает ли он наше толкование, или остается при своем? К этому я прибавил, что трактат, как мы его понимаем, должен нашему Государю ИМПЕРАТОРУ и ИМ утвержден; кроме того, переведен на иностранный язык и всюду сообщен к сведению, что следовательно нам отступить от своего толкования нет никакой возможности. При этой бумаге отправил и письмо к караванному старшине. – Через два дня (23 апреля) приезжают ко мне опять Жуй-чан, Бао-цзюнь Чун-лунь²³, личность новая, старичок весьма ласковый вкрадчивый. Когда я спросил у них об ответе князя на мою бумагу, Чун-лунь пожелал сказать мне его наедине, без свидетелей, и сказал в следующем виде: Чего вы домогаетесь? Хотите торговать? Торгуйте сколько хотите; мы с вами давние приятели. Только торгуйте негласно. Товары пусть привозят под именем вещей миссии. Лавок и ханов²⁴ – разумеется – не открывайте; вот как корейцы. Они ведут торговлю не маленькую. – Я остановил Чун-луна заметив, что дело у нас совсем не о размерах торговли: это дело купеческое; а об изложении трактата. Я желаю знать: намерены ли вы исполнять трактат, как мы его понимаем, и как следует понимать его по букве, или не намерены? При этом просил принять к сведению, что я не могу вступать с ними ни в какие соглашения по сему предмету: на это у меня нет полномочия. Говорю же с ними только потому, что их прислал Гун-ван. Да и у Гун-вана прошу ответа, единственно для того, чтоб донести моему начальству что-нибудь верное. – Чун-лунь отвечал, что и он говорит об том же, всё об исполнении трактата. – Следовательно, сказал я, вы не хотите исполнять его как следует. В прежние времена купцы наши ездили сюда не украдкой, торговали открыто. Предлагаемый же вами способ очевидно не походит на прежний! – В том-то и беда-то наша, заговорил Чун-лунь, что ты не принимаешь во внимание наших обстоятельств. Если Гун-ван пустит в ход эту бумагу (при чем Чун-лунь положил на стол выше упомянутую мою бумагу), то, думаешь, хорошо будет нам, или полезно вам? Первым следствием доклада Гун-вана об этом недоразумении будет, по меньшей мере, отставка всех, участвовавших в совещаниях, некоторые же без сомнения потерпят еще более. Зачем вам еще наживать себе врагов? Между тем еще не известно достигнете ли вы своей цели. Су-шунь и теперь всё в Жё-хэ,

²³ Чун Лунь (崇綸 ум. 1875 г.) – китайский сановник.

²⁴ От кит. *хан* 行 – ряд.

да и с большим влиянием на Государя нежели прежде. Положим впрочем, что вам разрешат караванную торговлю. Едва ли и это будет вам полезно. Вы откроете и в Пекине лавку, англичане с французами – десять, ваших купцов придет 20 человек и англичан и французов – 200 человек. Не мне рассуждать как велики будут барыши ваши в подобных обстоятельствах. Но я скажу тебе, что в таком случае мы должны проститься с надеждою на возвращение Государя в столицу и на поправление расстроенного положения государства. Услышит, что в столицу наехало народу из разных государств, ни за что не поедет сюда. А без него какой здесь порядок? И теперь мы едва в состоянии охранять город от воров и разных промышленников. Что же будет через три-четыре месяца? Погодите, не торопитесь; дайте нам немножко вздохнуть. Гун-ван уже послал от себя просьбу Государю о позволении лично доложить ему о некоторых весьма важных предметах. Может быть и получит разрешение. Тогда будет просить Государя возвратиться в столицу представив, что в противном случае нельзя ручаться ни за безопасность лично его, ни за существование самой династии. Если удастся уговорить Богдохана, то очевидно он будет под другим влиянием. Тогда может быть многое удастся сделать и в вашу пользу. Но караванная торговля в Пекине – я не думаю – чтоб разрешена была когда-нибудь... Я спросил Чун-луня: высказанные им мысли суть лично его мнение, или и Гун-ван размышляет их? – Слова – мои, отвечал он; но в общем Гун-ван совершенно согласен со всем мною сказанным; он послал меня собственно, чтоб передать тебе это. Я просил благодарить Гун-вана за такое внимание и уверить его, что всё теперь мною слышанное будет в точности передано моему начальству, которое о своем решении и распоряжениях по сему делу не замедлит известить его, и что я, с своей стороны, искренно желаю, чтобы это неожиданное разногласие не послужило к большему расстройству их государства, а разрешалось бы как можно скорее и самым удовлетворительным для обеих сторон образом. Чун-лунь просил меня взять обратно мою бумагу и написать другую, полегче, и сверх того, дать перевод того письма, которое я написал караванному старшине. Гун-ван хочет знать что именно писал я. Я на это согласился и на другой день и перевод письма и другую бумагу отправил Чун-луню для доставления Гун-вану. В бумаге этой я сказал кратко, что по поводу возникшего разногласия в понимании 5^й статьи князь присылал ко мне несколько раз своих чиновников для объяснений, что все слышанное мною от этих чиновников я в скором времени представлю на благоусмотрение моего начальства, которое не замедлит сделать по этому предмету надлежащее распоряжение. Между тем чтоб вывести из затруднения наших купцов, которые отправились с разрешения своего начальства, я прошу князя не препятствовать им ехать до Калгана и по дороге распродавать свои товары. Караванному же старшине пусть позволят приехать сюда, в Пекин для личных со мною объяснений. В исполнении этой просьбы я несколько не сомневался; потому что это заранее было обещано мне. При том бумага эта была послана Гун-вану чернею, на предварительный просмотр, и только по одобрению, а след. и с согласия его переписана и отослана. К немалому моему удивлению 12(24) числа вечером пристав Миссии А-сы-е привозит для перевода бумагу на имя Николая Павловича, в которой Гун-ван жалуется на нарушение трактата купцами и требует, чтобы они были отозваны в Кяхту! Я решительно не понимаю что это значит! Может быть это косвенная демонстрация против меня. Судя обо всех по себе, китайцы, пожалуй, воображают, что караванную эту проделку сочинил я, списавшись с купцами, что высшее начальство может быть и не знает о том. А может быть они этой бумагой до времени маскируются перед Сушунем (ведь все бумаги отсылаются к нему на просмотр). Но если они, дав мне обещание, так легко и нагло изменяют ему: то Господь заплатит им!.. Время и очень недалекое объяснит это. Купцы должны быть сюда на Пасху: так мне кажется по расчету времени» [АВПРИ, ф. 161, оп. 4, ед. хр. 105, л. 310 об.–314 об.].

В середине апреля русский караван, следовавший к Душикоу, был остановлен в 7–10 верстах от заставы. Китайские сановники вручили старшине Нерпину письмо от о. Гурия, в котором он рекомендовал купцам повернуть к Калгану. По Душикоу между тем курсировали слухи, что русский караван идёт с оружием для европейцев и халха-монголы находятся в сговоре с купцами [Хохлов, 1983, с. 144]. Пришлось русским ехать в Калган, куда Нерпин прибыл 21 апреля (3 мая), а остальной караван через два дня – 23 апреля (5 мая).

1 (13 мая) о. Гурий сообщил Игнатьеву о толковании пятой статьи ургинским амбанем: «Здесьние утверждают, что по тексту трактата нет права нашим купцам ехать в Пекин и торговать. А Сэктунгэ (Ургинский правитель)²⁵, придираясь к различным мелочам, даже против совести (уж не говорю о дружбе) не решился однако ж удержать караван от поездки в Пекин (он даже посылал купцов наших в Пекин, говоря, что по трактату они должны ехать в Столицу, а в Урге останавливаться им не след), и ни из бумаг, ни из слов его с Карповым (о. Гурий подразумевает самого себя. – А.К.) не видно, чтоб он хоть мысленно считал возможным протестовать против прав караванной торговли, что было бы и не логично с его стороны и не расчетливо – оставив капитальную, основную несообразность с текстом трактата, заниматься мелочами. Значит, надо быть бессовестнее Сэ, чтоб утверждать, или говоря правильнее, чтоб отрицать наше право производить караванную торговлю по пути к Пекину и в самом Пекине! Впрочем Сэ наш сторонник только в отношении права торговать в Пекине. Во всех других отношениях он злейший враг наш; так толкует текст, что отнимет всякую возможность воспользоваться нашим правом ... Я однако ж нахожу не лишним представить Вам несколько своих замечаний на толкование Сэктунгэ. Замечания мои сделаны на основании китайского текста и надеюсь будет полезны, если министерству угодно будет или самому отвечать, или предоставить это сделать Вам. Да пожалуйста покрепче, похлеще отвечайте. Пора вступить за честь русского имени. Ведь над нами просто издеваются. Должен еще сказать Вам, что до меня дошел еще такой слух, будто Гун-ван получивши мою первую бумагу, в которой я жаловался на кривое их (кит.) толкование трактата, тотчас пригласил Wade (китайского секретаря английского посольства)²⁶ и с ним советовался об нашем деле. Wade говорят держал нашу сторону. Но не в этом сила! Его приглашали, советовались по нашему делу, а когда идут речи об английских или французских делах, то об русском подворье и помину нет!, с нами никто не советуется, даже об наших делах; нам просто предъявляют повестивые мысли к исполнению. Утешительнее не верить такому слуху, но увьи! Англичане не по делам только, но и просто в гости ездят к Вэнь-вану, Хэн-ци²⁷ и к самому Гун-вану. Пусть наш Министр-резидент еще с полгода поспит в Петербурге²⁸, найдет он здесь хороший прием! – Китайская бесцеремонность совершенно растерзала меня. В течении апреля месяца я постарел по крайней мере десятью годами. И все ничего бы, если б это было кому-нибудь полезно!

Ужели я не дождусь, не увижу того благословенного дня, в который в праве буду сказать себе: «Ну, ныне Гун-ван не пришлет и Жуй-чан не приедет с объяснениями трактата!» Не поверите, до какой степени возмутительно бессовестны эти объяснения! Вам известно, что по некоторым данным я ждал косвенной демонстрации против нас; думал, что будет гонение на некоторые лица более к нам расположенные (что впрочем до некоторой степени

²⁵ Сановник Сэктунгэ (кит. 色克通額) занимал пост ургинского амбана с 1855 по 1862 гг.

²⁶ Томас Фрэнсис Уэйд (Thomas Francis Wade 1818–1895) – английский дипломат и синолог.

²⁷ Хэн Ци (恆祺 ум. В 1866 г.) – маньчжурский сановник, служивший в 60-е гг. в администрации Цзунли ямэня.

²⁸ Первый русский министр-резидент, Лев Фёдорович Баллюзек (1822–1879) был назначен на свой пост ещё в феврале 1861 г., но в Пекин прибыл только июле. До этого груз дипломатических вопросов в Пекине по-прежнему находился на плечах главы Российской духовной миссии.

и оправдалось), но никак не думал, чтоб китайцы так нагло отказались от заключенного трактата. Потому что теперешнее их толкование я иначе не могу назвать, как вероломным отказом. В Урге говорят нашим купцам: ступайте в Пекин; по трактату вам следует не здесь, а там торговать. А в Пекине говорят наоборот: ступайте в Ургу! Что это, если не отказ? При том купцы наши дорогою ничего не могут ни купить, ни нанять; всё, даже воду, чтоб напиться, должны взять с собою из Кяхты! Что это, если не отказ? Ваше Превосходительство! Умоляю Вас именем Божиим; вступитесь за честь русского имени. Доколе эти мошенники маньчжуры, прикрываясь дружбой, будут издеваться над нами! Чем скорее Вы это сделаете, тем лучше; через год будет поздно. — И не думайте устроить эти дела переговоров! Объясняться необходимо; но если хотите, чтоб трактат ваш свято исполнялся, и вас лично уважали, как следует, то побейте китайцев, да побольнее: чем больше Вы побьете их, тем они искреннее будут уважать Вас. Три года я проповедую эту не утешительную вещь и последние события подтверждают мои доводы. Но увы! в [Азиатском] Департаменте так много дела, что некогда обратить на это внимание посерьезнее» [АВПРИ, ф. 161, оп. 4, ед. хр. 105, л. 319–321 об.].

2 (14) мая Гурий написал в Азиатский департамент: «Караван наш остановлен в Калгане. Обещали пропустить сюда только 10 человек (г. Нерпина, при нем два чел. из купцов, 3 чел. прислуги и 4 чел. учеников из Кяхтинского училища под именем прислуги для Миссии). Из тяжестей — три верблюда и 12 телег. Числа 8–9 (20–21) мая они должны прибыть в Пекин. Остальное все должно быть распродано в Калгане или увезено обратно в Кяхту. Г. Нерпину (частным образом) я написал, чтобы он показал в числе вещей по крайней мере половину, хоть верблюдов 100 отправленными с ним для миссии» [АВПРИ, ф. 161, оп. 4, ед. хр. 105, л. 324].

Караванный старшина Нерпин действительно прибыл в Пекин 9(21) мая. Здесь он составил записку для китайских властей и попросил через о. Гурия «в силу точного смысла 5-й статьи Пекинского договора получить разрешение от китайцев выехать из Калгана в Пекин или Тяньцзинь — по усмотрению купцов»²⁹. 6 июня³⁰ представители маньчжурского *Цзунли ямэня* разрешили русскому каравану проследовать в Тяньцзинь для торговли.

Несмотря на то, что китайская сторона не пропустила русский караван в столицу, проезд до Тяньцзиня оказался компромиссным вариантом для обеих сторон. 10(22) июня о. Гурий писал в Азиатский департамент: «В настоящее время купеческий караван наш вероятно уже близ Тянь-цзиня если уже не в нем. Купцы наши очень рады такому обороту их дела. Пекин, на который они приезжали полюбопытствовать, нисколько не интересует их ни в каком отношении. Розничная торговля не в их расчетах, а оптовая не может быть значительна в Пекине» [АВПРИ, ф. 161, оп. 4, ед. хр. 105, л. 325].

Интересно рассмотреть причины, по которым китайская сторона отказывалась пропустить русский караван в столицу.

О. Гурий в ходе переговоров о пятой статье высказывал в переписке и такое мнение: «Я убежден, что китайцы действуют добросовестно. Они действительно не поняли нас. Вы помните это горячее время [переговоров о Пекинском договоре], как все торопились»³¹. Отметим, что в переписке с различными инстанциями, архимандрит Гурий, крайне утомленный нажимом со стороны китайцев и отсутствием дипломатической поддержки из России, порой высказывал диаметрально противоположные мнения относительно дипломатической тактики китайцев.

²⁹ Цит. по: [Хохлов, 1983, с. 145].

³⁰ По новому стилю.

³¹ Цит. по: [Хохлов, 1983, с. 142].

На наш взгляд, наиболее откровенное объяснение китайской политики в отношении русского каравана было высказано сановником Чун Лунем в личной беседе с архимандритом Гурием. Китайская сторона фактически не была против торговли в Пекине, но крайне болезненно относилась к вопросу явного признания нового порядка – отсюда и попытки сгладить формулировки в пятой статье договора. Во многом подобное противоречие объяснялось и борьбой придворных клик при императоре, находившимся в Жэхэ. На момент переговоров о караване большое влияние по-прежнему было сконцентрировано в руках сановника Сушуня, возглавлявшего консервативную клику. Князь Исинь, возглавлявший *Цзунли ямэнь*, вынужден был лавировать между интересами иностранцев и китайского правительства.

Завершением этого противоречивого этапа внешней политики Китая стала смерть императора Ичжу, который скончался 22 августа 1861 г. Через несколько месяцев – 8 ноября в результате придворных интриг был казнён и сановник Сушунь. На престол восходил малолетний император Цзайчунь (1856–1875), находившийся в тени своей матери – вдовствующей императрицы Цыси (1835–1908). В этих условиях в Пекине официально открылась русская дипломатическая миссия – межгосударственные отношения Российской империи и цинского Китая окончательно перешли на новый этап.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 161. СПб. Главный архив. 1823. 1–5. Оп. 4. Ед. хр. 105 [*Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire*. Fund 161. Saint Petersburg. Main Archive. 1823. 1–5. Inv. 4. Storage Unit 105 (in Russian)].

Беспрозванных Е.Л. *Приамурье в системе русско-китайских отношений: XVII – середина XIX в.* Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1986 [Bezprozvannykh E.L. *The Amur Region in the System of Russian-Chinese Relations: 17th – the Middle of the 19th Century*. Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1986 (in Russian)].

Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881. Издание Министерства иностранных дел. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1889 [*Collection of Treaties between Russia and China. 1689–1881. Publication of the Ministry of Foreign Affairs*. Saint Petersburg: Tipografia Imperatorskoi akademii nauk, 1889 (in Russian)].

Хохлов А.Н. История с караваном, отправленным из Кяхты в Пекин в 1861 г. *Четырнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае»*. Ч. 2. М.: Наука, 1983. С. 136–148 [Khokhlov A.N. The Story of the Caravan Sent from Kyakhta to Beijing in 1861. *The Fourteenth Academic Conference "Society and the State in China"*. Part 2. Moscow: Nauka. Pp. 136–148 (in Russian)].

История вопроса организации варварских дел (эпоха Сяньфэн) (籌辦夷務始末 (咸豐朝)). Т. 8. (八). Пекин (北京): Китайское книгоиздательство (中華書局), 1979 [*The Beginning and End of Organizing Barbarian Affairs (Xianfeng Period)*. Т. 8. Beijing: Zhonghua Shuju, 1979 (in Chinese)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КУЛИКОВ Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент Финансового университета; научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Andrey M. KULIKOV, PhD (History), Associate Professor of the Financial University; Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.